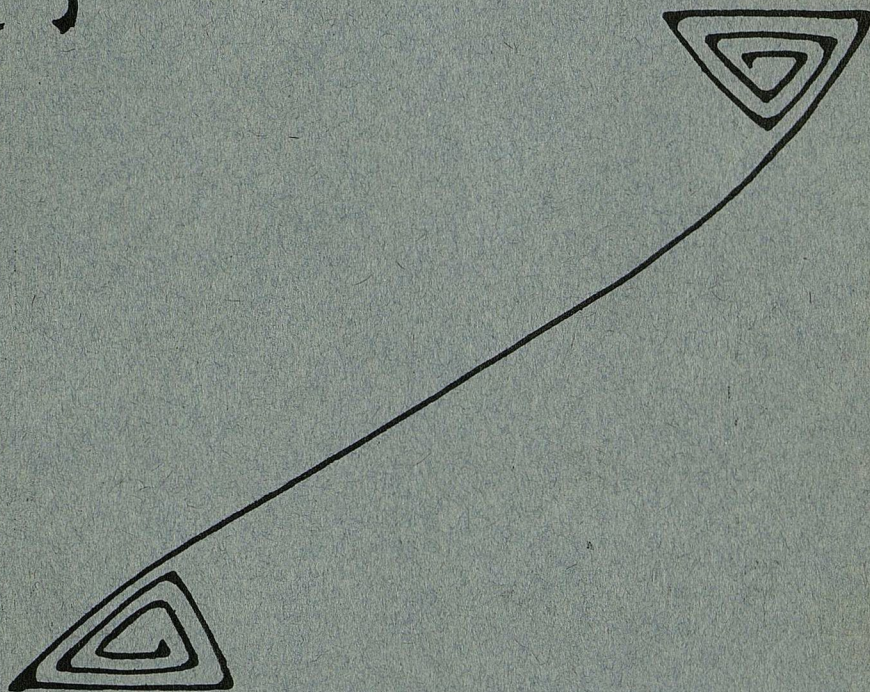

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 6.

1 Апрѣля —
— 1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправленія кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ кричитъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково добракачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобиннымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вяхлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

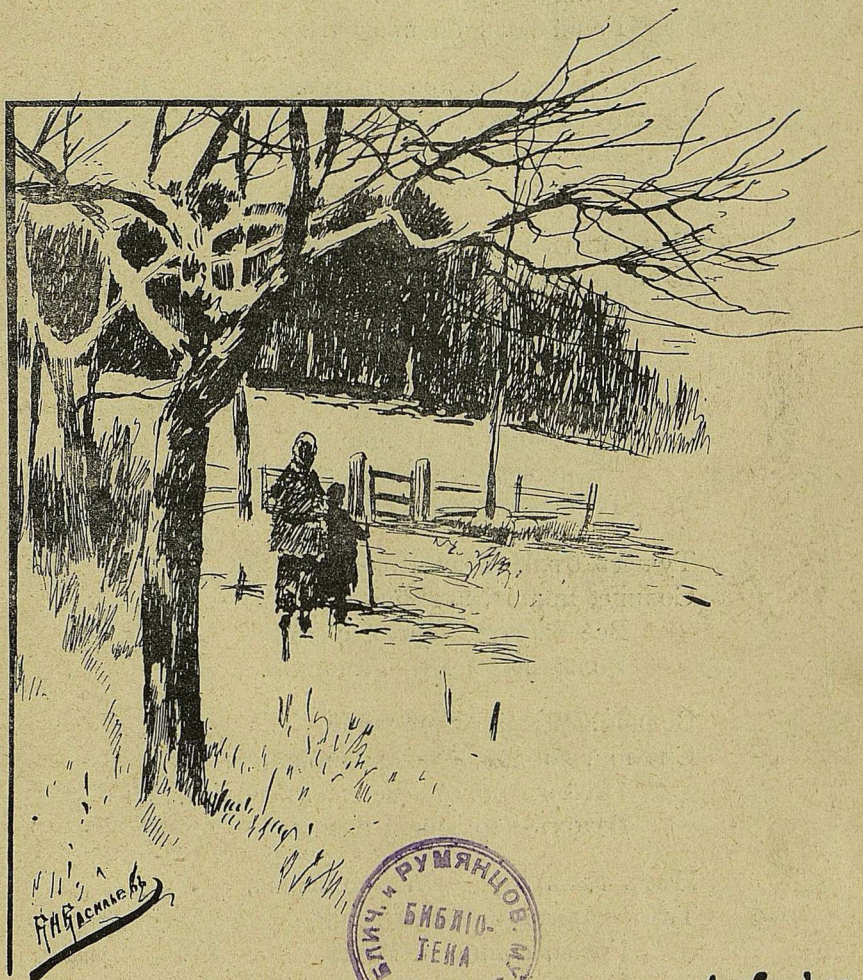
Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытывавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химиі К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 6.

1 сирѣля ==
== 1907 г.

Т а м ъ...

Тамъ царить свободный геній,
Геній грезъ и пѣснопѣннй,
Геній радостной мечты,
Геній вольной красоты.

Тамъ свободно слово льется.
Смѣло къ небу, къ солнцу рвется
Надъ печальною землею
Свѣтлой грезой золотой.

Тамъ надъ вольною страной
Юной свѣжей красотою
Блещетъ неба глубина,
Волнъ прозрачныхъ ширина.

И свободно, прихотливо,
Смѣло, вольно, горделиво
Въ небесахъ горитъ звѣзда,
Тучекъ тянутся стада.

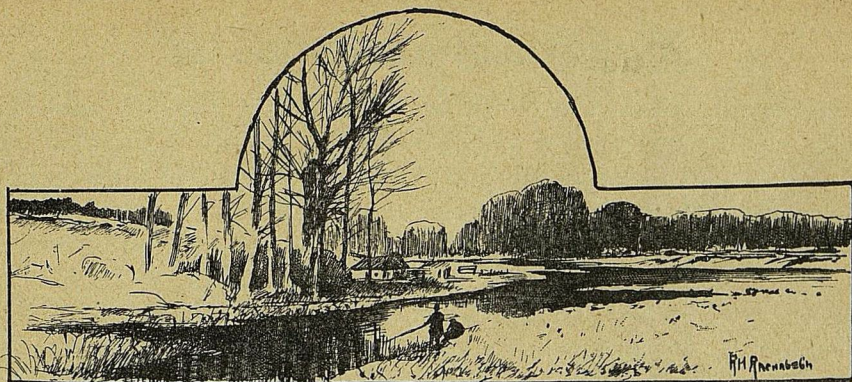
Тучекъ бѣлыхъ вереницы,
Солнце, молнія, зарницы,
Все живетъ мечтой одной
Вольной мыслью неземной.

Вольной мыслию свободной,
Смѣлой, гордой, благородной
Полонъ рокотъ всплескъ волны,
Вдохъ чарующей весны.

Нѣтъ тамъ горя, нѣтъ волненья,
Тамъ царить свободы геній,
Греза, солнце и мечта,
Счастье, радость, красота.

Н. Гиляровская.

Звѣзды.

Ночью предвѣчной,
Тихой и вѣчной
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ небѣ безбрежномъ
Искрится нѣжно
Звѣздъ потухающій рядъ.

Звѣзды прекрасны,
Вольны и ясны,
Свѣтятъ безстрастно вдали.

Звѣздамъ высокимъ,
Свѣтлымъ, далекимъ
Чужды страданья земли.

Н. Гиляровская.

Животныя-комедіанты.

Конечно, ловкимъ и сильнымъ животнымъ удается скорѣе побѣдить своихъ враговъ и одолѣть соперниковъ, чѣмъ слабымъ и безсильнымъ, хотя послѣднія, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не лишены возможности защищаться. Для этой цѣли изобрѣтательная природа снабдила ихъ разнообразными оборонительными средствами.

Явленіе, о которомъ мы намѣрены говорить, извѣстное подъ именемъ „миметизма“, состоитъ какъ разъ, въ способности животнаго остаться незамѣченнымъ своимъ непріятелемъ. Способностью

этою обладаютъ многіе звѣри; иногда ихъ спасаетъ сходство съ окружающими предметами, иногда—внѣшнее сходство съ опасными звѣрями, или же, наконецъ, окраска, аналогичная съ окружающей ихъ средой.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ самозащиты встрѣчается у „листовидки“. Насѣкомое это принадлежитъ къ разряду прямокрылыхъ и живетъ на деревьяхъ тропическихъ странъ (рис. № 1).—Ея продолговатое и приплюснутое тѣлце со сложенными крылышками представляетъ изъ себя настоящій листъ съ главной срединной жилкой и съ боковыми развѣтвляющимися нервами. Когда листовидка сидитъ на деревѣ, ее, какъ оказывается,

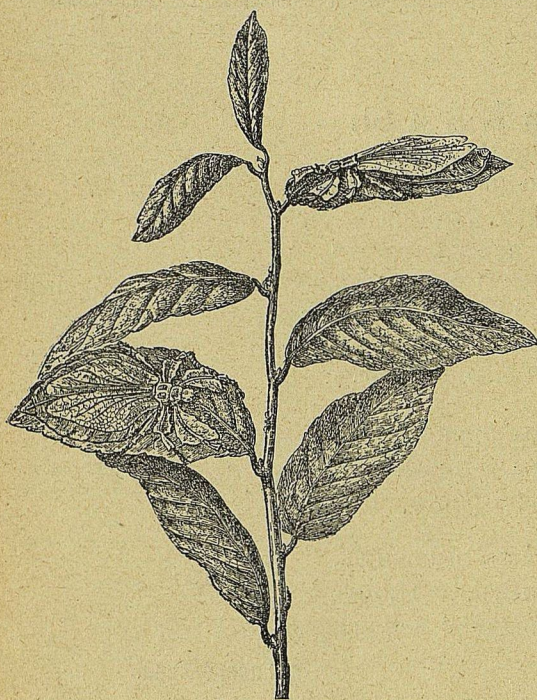

Рис. 1.

положительно съ перваго раза нельзя замѣтить среди окружающей листвы.

Не менѣе любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя южныя бабочки, особенность которыхъ состоитъ въ томъ, что форму листа

онѣ принимаютъ только тогда, когда сидятъ на деревѣ, причемъ крылышки плотно сжимаются и острымъ своимъ концомъ опираются на вѣтку. Съ боку крылышки по формѣ совершенно схожи съ листомъ, и сходство это еще увеличивается, благодаря бѣлой, идущей вдоль всего тѣльца, полоски, напоминающей срединную жилку листа (рис. № 2).

Часто на кустахъ можно видѣть у насъ коричневаго цвѣта гусеницу, снабженную ножками лишь на передней и задней сторонѣ своего тѣльца. При ходьбѣ она сначала становится на свои переднія ножки, затѣмъ, согнувъ туловище, она придвигаетъ вплотную къ переднимъ лапкамъ заднія, послѣ чего она снова выпрямляется и снова немного поодаль опускаетъ переднія ножки, опять сгибается, опять приставляетъ заднія конечности къ переднимъ и т. д.

Гусеница эта, такимъ образомъ, словно измѣряетъ пробѣгаемое ею пространство и называется поэтому „гусеницей — землемѣромъ“. Если кому-нибудь вздумается слегка потрясти вѣтку, на которой она сидитъ, она тотчасъ-же твердо становится на заднія лапки; выпрямивъ тѣлце, она отклоняется и остается неподвижной. Всякій, увидѣвшій ее въ такомъ положеніи, принялъ бы ее за маленькій сучекъ. Часто такими уловками она приводитъ своихъ враговъ въ заблужденіе, такъ какъ ее сходство съ сучкомъ иногда настолько сильно, что даже, когда знаешь навѣрное объ ея присутствіи на вѣткѣ, ее только съ трудомъ можно разыскать.

Другое насѣкомое „стеблевидка“ съ продолговатымъ тѣлцемъ, снабженнымъ длинными лапками, представляетъ совершенно тождественное явленіе. Какъ только стеблевидка слышитъ какой-нибудь шумъ, она сейчасъ же дѣлается неподвижной и уподобляется маленькой высушенной вѣткѣ.

На день ночныя бабочки прикрѣпляются къ древесной корѣ, цвѣтъ которой совершенно одинаковъ съ цвѣтомъ самихъ бабочекъ;

Рис. 2.

кромѣ того, на крылышкахъ послѣднихъ замѣчаются различной величины пятнышки, еще болѣе увеличивающія сходство съ древесной корой.

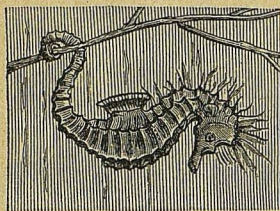

Рис. 3.

Упомянемъ еще объ одной рыбѣ, весьма странной по виду. Она, благодаря зеленоватому и костлявому туловищу, очень похожа на „морского конька“ (рис. № 3). У этой рыбки по бокамъ многочисленныя, неправильныя, на подобіе зеленыхъ лентъ, отrostki, въ виду чего она совершенно смѣшивается съ окружающими водорослями. Другая „игла рыба“ (рис. № 4) представляетъ

изъ себя настоящую деревянную палочку.

Подобныхъ примѣровъ гдѣ насѣкомыя принимаютъ форму окружающихъ ихъ предметовъ, очень много: одни походятъ на засохшіе листья, другія—на мохъ, на которомъ сидятъ, третьи—на почки растений, служащихъ имъ жилищемъ, четвертыя, наконецъ—на сѣмена.

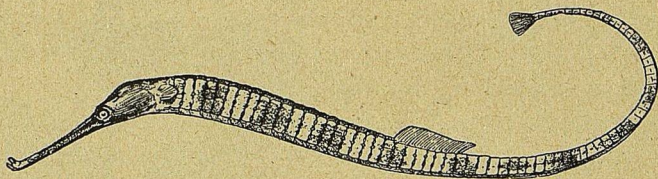

Рис. 4.

Къ этому сорту животныхъ можно еще отчасти причислить нѣкоторыхъ крабовъ, спинной щитъ которыхъ весь покрытъ водорослями, благодаря чему ихъ очень трудно различить среди морскихъ растений. Утверждаютъ даже, что если водоросли какимъ—нибудь образомъ оторвутся отъ спинного щита, крабъ, нарвавши при помощи своихъ клешней нѣсколько новыхъ стебельковъ, кладетъ ихъ себѣ на спину, гдѣ водоросли быстро прирастаютъ и въ самомъ скоромъ времени покрываютъ собою снова весь его спинной щитъ.

Другой рядъ явленій, относящихся къ миметизму, наблюдается нами у совершенно невинныхъ по нраву животныхъ, но по внѣшнему виду похожихъ на опасныхъ звѣрей. Въ данномъ случаѣ мы можемъ привести самыя удивительныя и любопытныя примѣры миме-

тизма. Часто самые добродушные звѣри въ цѣляхъ самозащиты надѣваютъ на себя маску животныхъ, внушающихъ другимъ звѣрямъ страхъ и отвращеніе.

Въ лѣсахъ Южной Америки водится дивная по красотѣ бабочка, съ большими крыльями самыхъ яркихъ цвѣтовъ, но въ виду ея отвратительнаго запаха, исходящаго отъ выделяемой ею жидкости, она противна на вкусъ и птицы, знающія особенность этой бабочки, никогда за ней не гонятся. Въ этихъ-же лѣсахъ встрѣчается и другая бабочка изъ другого семейства, которая такъ похожа на первую, что естественники долго не могли ихъ различить. Она, однако, не издаетъ никакого отталкивающаго запаха и, благодаря яркости своихъ крыльевъ, была-бы постоянной жертвой птицъ, но изъ-за сходства съ первой, птицы ее не трогаютъ.

Небольшое насѣкомое изъ семейства прямокрылыхъ, совсѣмъ безвредное само по себѣ, очень походить на другое насѣкомое „скакуна“, принадлежащее къ жесткокрылымъ и извѣстное своимъ хищническимъ нравомъ (рис. № 5). Оба насѣкомыя живутъ въ одной мѣстности, преимущественно въ песчаной, причемъ первое, благодаря сходству со скакуномъ, чувствуетъ себя въ полной безопасности и преспокойно грѣется на солнышкѣ.

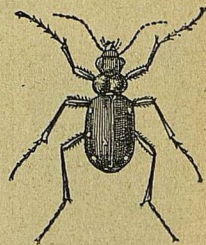

Рис.

Въ нашемъ поясѣ встрѣчается громадное количество бабочекъ, преимущественно изъ породы пчеловидокъ (рис. № 6), которые до странности походятъ на осъ или пчелъ. Извѣстно, что послѣднія снабжены острымъ жаломъ, внушающимъ большой страхъ врагамъ, между тѣмъ, какъ у пчеловидки для самообороны имѣется лишь мягкій и вполне невинный хоботокъ. Когда пчеловидки летаютъ, или же садятся на цвѣты, чтобы высосать изъ нихъ нужный имъ сокъ, ихъ совершенно почти невозможно отличить отъ пчелъ или осъ, и натуралистъ, даже опытный, лишь съ большою предосторожностью рѣшится взять ихъ пальцами за крылышки.

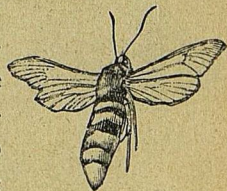

Рис. 6.

Во Франціи водится очень любопытная гусеница. На обѣихъ сторонахъ перваго и втораго брюшныхъ члениковъ у нея имѣются большія, похожія на глаза, пятна, не привлекающія вниманія при спокойномъ состояніи гусеницы, но стоитъ только ей чего-нибудь

испугаться, какъ голова моментально уходитъ въ тѣлѣце, между тѣмъ, какъ вышеупомянутыя пятна придаютъ средней части ея тѣла видъ змѣиной головы (рис. № 7). Сходство до того велико, что невольно отдергиваешь руку въ тотъ самый моментъ, когда намѣревался уже ее схватить. Звѣри тоже страшно этого пугаются.

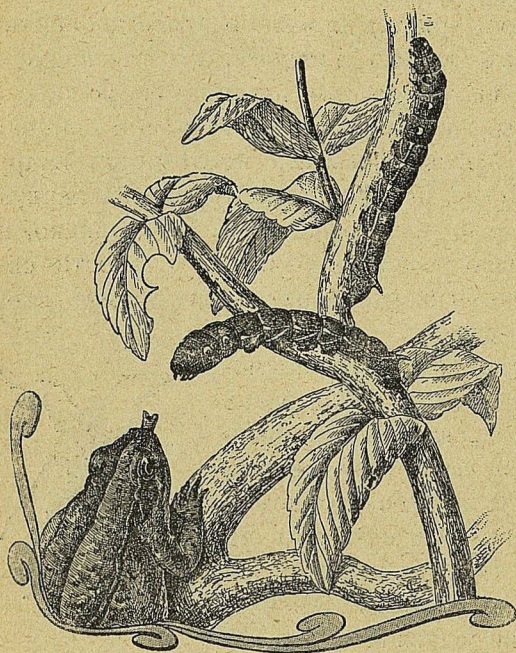

Рис. 7.

Натуралистъ Пультонъ рассказываетъ, какъ онъ однажды приподнесъ такую гусеницу большой зеленой ящерицѣ. Последняя совсѣмъ не знала, какъ ей быть съ гусеницей, принявшей уже оборонительное положеніе. Ящерица храбро поползла впередъ, но, испугавшись, вернулась обратно. Она нѣсколько разъ продѣлала этотъ маневръ, съ каждымъ разомъ она становилась смѣлѣе и все ближе

подходила къ гусеницѣ. Ободренная неподвижностью послѣдней, ящерица осторожно дотронулась до предполагаемой головы гусеницы, но, испугавшись сама своей смѣлости, быстро попятилась назадъ. Замѣтивъ, однако, что гусеница не отвѣчаетъ на ея наступленіе, она снова подползла къ ней и уже болѣе энергично схватила ее зубами. Послѣ нѣсколькихъ, очень осторожно нанесенныхъ ею укусовъ, трусливая ящерица убѣдилась, что ей бояться нечего, и спокойно принялась за свою жертву.

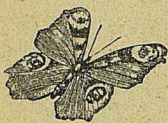

Рис. 7а.

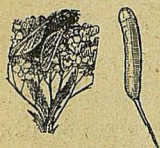

Рис. 8.

Нѣкоторыя мухи, въ изобиліи кружащіяся лѣтомъ надъ цвѣтами (рис. № 8), до смѣшаного похожи на пчелъ и ось, и, безусловно, пользуются тѣмъ страхомъ, который пчелы, благодаря своему опасному жалу, внушаютъ другимъ. Быть можетъ, самый замѣчательный случай миметизма представляютъ мухи „мохнатки“. Онѣ жи-

туютъ въ изобиліи въ садахъ и огородахъ, и, благодаря своему

вуть среди шмелей, сходство съ которыми такъ велико, что послѣдніе принимаютъ ихъ за насѣкомыхъ одной съ ними породы и позволяютъ имъ, благодаря этому, проникать въ свои шмелиныя гнѣзда и класть яйца среди запасовъ, которые шмели заготавливаютъ для своего потомства. Черезъ нѣкоторое время личинки мухъ выползаютъ и пожираютъ приготовленную пищу въ ущербъ личинкамъ шмелей, являющимися законными владѣльцами заготовленной провизіи.

Не мало жуковъ изъ группы усачей походятъ то на „мягкотѣловъ“, то на „листогрызовъ“, выдѣляющихъ отталкивающую для птицъ жидкость, то, наконецъ, на „лѣсныхъ клоповъ“ (рис. № 9).

Такія явленія извѣстны не только среди насѣкомыхъ. Въ Южной Америкѣ, напримѣръ, водятся безвредныя змѣи, которыя во всемъ положительно подражаютъ змѣямъ ядовитымъ и очень опаснымъ.

Мы могли бы дать еще много подобныхъ примѣровъ, но намъ

Рис. 9.

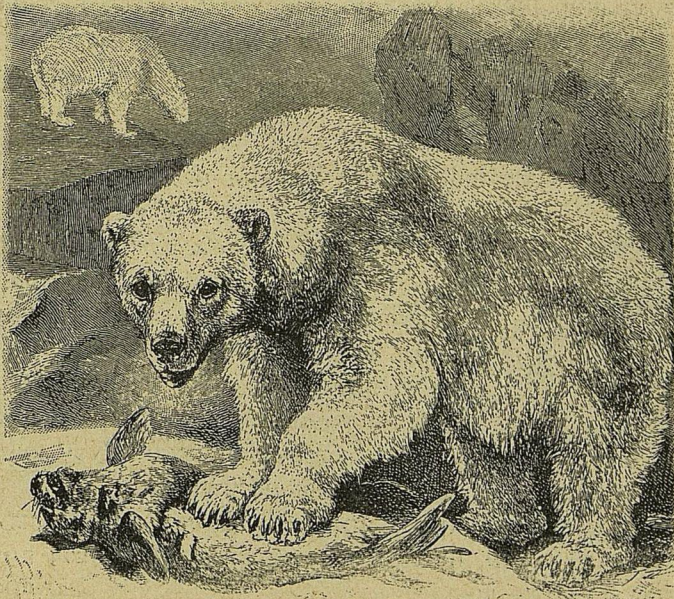

Рис. 10.

кажется, что вышеприведенные достаточно краснорѣчиво показываютъ, что сходства эти у животныхъ не простая случайность.

Въ другихъ случаяхъ множество животныхъ остаются незамѣченными, благодаря ихъ окраскѣ, совпадающей съ цвѣтомъ окружающей ихъ среды. Такъ, напримѣръ, многія изъ млекопитающихъ сѣверныхъ странъ, а именно—бѣлый медвѣдь и полярный заяцъ покрыты густой шерстью, бѣлый цвѣтъ которой способствуетъ тому, что ихъ весьма трудно различить на бѣлой снѣжной равнинѣ (рис. № 10).

То же самое можно сказать и о звѣряхъ, живущихъ въ пустыняхъ Сахары и Аравіи. Шерсть льва, напр., окрашена въ желтоватый цвѣтъ, цвѣтъ песка, среди котораго онъ обитаетъ.

Рис. 11.

Въ открытомъ морѣ встрѣчается громадное количество плавающихъ животныхъ, принадлежащихъ къ весьма различнымъ породамъ. Вотъ, напримѣръ, Медузы (рис. № 11), иглокожія, ракообразныя, черви, молюски и т. д. Всѣ эти существа, столь различные по своему строенію, имѣютъ ту общую черту, что у всѣхъ у нихъ тѣло прозрачно, какъ хрусталь, благодаря чему ихъ въ водѣ почти не видно. Тѣмъ, кто занимается ловлею этихъ животныхъ, совершенно бесполезно внимательно наблюдать за поверхностью моря, — ихъ все равно не увидишь; для того, чтобы ихъ словить, стоитъ только слегка провести по поверхности моря сѣтью, и послѣдняя сейчасъ же наполнится желанной добычей.

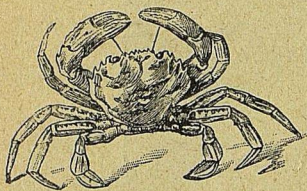

Рис. 12.

Извѣстно, что на самой серединѣ Атлантическаго океана, между Франціей и Южной Америкой, находится обширное пространство, заполненное плавучими зеленаго цвѣта водорослями и похожее на настоящіе зеленые луга; вся эта водяная область заселена многочисленными животными, которыя всѣ, къ какому бы семейству они ни принадлежали, окрашены въ зелено-оливковый цвѣтъ.

Въ нашихъ моряхъ крабы (рис. № 12) покрыты бѣлыми, сѣрыми и коричневыми пятнами, на подобіе морскихъ галуновъ, по которымъ они бѣгаютъ и ползаютъ.

Кузнечики (рис. № 13) окрашены въ цвѣтъ травы, среди которой прыгаютъ и живутъ.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ примѣрахъ миметизма форма животнаго или же цвѣтъ его, приспособляемые къ условіямъ его жизни,

остаются постоянными, и подобное явление можетъ назваться „миметизмомъ постояннымъ“ въ отличіе отъ другого,— „миметизма приходящаго“, когда животныя, перемѣщаясь, обладаютъ чрезвычайно любопытнымъ и для нихъ очень цѣннымъ свойствомъ, принимать окраску той среды, въ которой они находятся въ данное время.

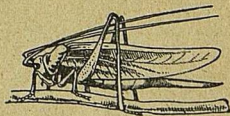

Рис. 13.

Самые замѣчательные примѣры подобнаго рода миметизма встрѣчаются среди моллюсковъ, къ которымъ принадлежатъ кальмары (рис. № 14), каракатицы (рис. № 15), осьми ногъ или спрутъ и т. д. Эти крупныя морскія животныя, водящіяся въ нашихъ моряхъ, часто случайно попадаютъ въ сѣти рыбаковъ, безъ всякаго старанія со стороны послѣднихъ.

Рис. 14.

Осьминогъ настолько интересное животное, что слѣдуетъ его описать поподробнѣе. Онъ достигаетъ довольно большаго размѣра, больше аршина длины. У него продолговатое мѣшкообразное и мясистое тѣло съ громадной головой, снабженной большими, круглыми, блестящими глазами, удивительно похожими на кошачьи или рыбьи глаза. Голова оканчивается восемью длинными, большими руками, утончающимися къ концу и снабженными съ внутренней стороны многочисленными присосками, служащими спруту для схватыванія добычи. Въ самомъ центрѣ кольца, образуемаго руками, помѣщается ротъ, вооруженный крючкообразными челюстями, похожими на клювъ полугая. Устройство его рта указываетъ на его хищническій образъ жизни. Въ спокойномъ состояніи осьминогъ желтопесочнаго цвѣта, но если его волною перенесетъ съ песчанаго мѣста въ другое, со всѣмъ иное по окраскѣ, то наблюдатель можетъ замѣтить, какъ его кожа съ быстротою молніи принимаетъ оттѣнокъ окружающей новой среды, причемъ все тѣло его покрывается бугорками.

Рис. 15.

Если осьминогъ снова перемѣстится, то онъ опять приметъ подходящую къ мѣстности окраску. Гдѣ бы онъ ни находился, онъ всегда сливается съ предметами его окружающими. Кромѣ этой способности измѣнять свой цвѣтъ съ цѣлью ускользнуть отъ непріятельскихъ глазъ, онъ обладаетъ еще и другимъ способомъ самозащиты.

Послѣдній состоитъ въ томъ, что когда ему грозитъ опасность, когда его настигаетъ врагъ, онъ начинаетъ мутить воду вокругъ себя. Для этой цѣли у него имѣется довольно большая железа, называемая „черный мѣшокъ“. Этотъ мѣшокъ содержитъ темно-бурую кость. Когда хотятъ схватить осьминога, послѣдній моментально сжимаетъ свою железу, послѣ чего его окутываетъ совершенно темное облако, кожа его, до сего времени свѣтлая, становится черной, и самое жи-

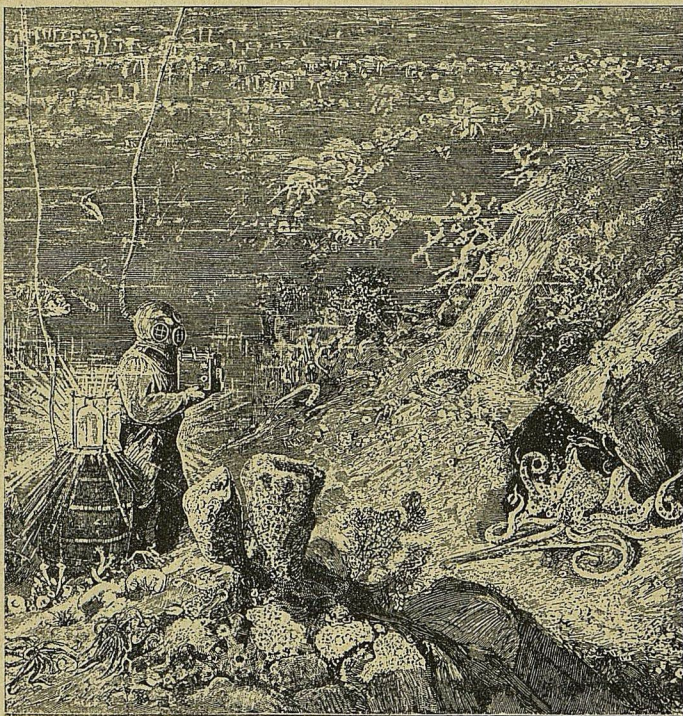

Рис. 16.

вотное такъ сливается съ окружившимъ его облакомъ, что никто, положительно, не можетъ его различить. Осьминогъ пользуется минутой недоумѣнія своего врага, чтобы какъ можно скорѣе уплыть и спрятаться гдѣ-нибудь подъ скалой. Нѣкоторымъ смѣлымъ фотографамъ удалось его снять въ этомъ любопытномъ положеніи (рис. № 16).

Эти рѣзкія измѣненія въ окраскѣ его тѣла происходятъ благодаря разсѣянному по всей кожѣ маленькимъ клѣткамъ, наполнен-

нымъ красящимъ веществомъ. Клѣтки эти, крошечныя, круглыя тѣльца, окрашены въ различные цвѣта; къ нимъ прикрѣпляются тонкія мускульныя волокна, расходящіяся лучами и имѣющія способность сжиматься и вытягиваться. Въ покоѣ эти красящія тѣльца стянуты и представляютъ изъ себя мало замѣтный шарикъ, но въ минуту раздраженія они, при помощи волоконъ, растягиваются и принимаютъ все болѣе и болѣе темную окраску. Вотъ этимъ-то крошечнымъ клѣткамъ съ красящимъ веществомъ осьминогъ и обязанъ перемѣнѣ своего цвѣта.

Свойство мѣнять окраску встрѣчается точно также, хотя въ меньшей степени, у лягушекъ и нѣкоторыхъ пресмыкающихся. Въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ громкую извѣстность хамелеонъ (рис. № 17), очень похожій по своему строенію на ящерицу. Хамелеонъ въ темнотѣ принимаетъ свѣтлую окраску и темную при свѣтѣ.

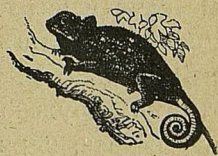

Рис. 17.

Извѣстный ученый Поль Беръ, который особенно тщательно изучилъ этого звѣря, показалъ, что въ его кожѣ существуетъ два различныхъ слоя красящихъ тѣлецъ, — поверхностный слой блѣдно-желтый и второй, лежащій глубже, переходящій отъ коричневаго цвѣта въ черный.

Строеніе красящихъ тѣлецъ у хамелеона совершенно одинаково, что у осьминога. Кромѣ того, Поль Беръ доказалъ, что измѣненіе окраски зависитъ отъ силы освѣщенія: между спокойно лежащимъ хамелеономъ и солнцемъ ставятъ картонный листъ съ нѣсколькими довольно большими и различными по формѣ проколами; черезъ небольшой промежутокъ времени удаляютъ этотъ листъ, и на кожѣ хамелеона ясно вырисовываются, окрашенные въ темный цвѣтъ отверстія листа, единственныя освѣщенныя солнцемъ мѣста.

Существуетъ также довольно большое количество рыбъ, могущихъ измѣнять цвѣтъ кожи, благодаря чему онѣ совсѣмъ сливаются по окраскѣ со дномъ моря. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи рыба „Палтусъ“ (рис. № 18). Какъ только мѣняется окраска дна, такъ и рыба эта измѣняетъ свой цвѣтъ, но окраску окружающей среды она принимаетъ только черезъ день или два. Одинъ ученый нашелъ, что измѣненія въ окраскѣ кожи возможны только при нор-

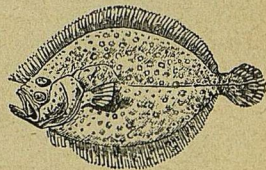

Рис. 18.

мальномъ зрѣніи рыбы. Цвѣтъ палтуса, которому выкололи глаза, больше не мѣняется. Окружающій цвѣтъ передается мозгу черезъ сѣтчатую оболочку, мозгъ въ свою очередь дѣйствуетъ на красящія тѣльца и, чтобы придать кожѣ цвѣтъ, воспринятый сѣтчатой оболочкой, глаза, красящія тѣльца сжимаются и разжимаются, смотря по надобности.

Кончая эту статью, слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ случаяхъ миметизма, которые занимаютъ срединное мѣсто между миметизмомъ постояннымъ и миметизмомъ преходящимъ. Сюда относятся нѣкоторые случаи изъ міра насѣкомыхъ, такъ напр. у куколокъ бабочки „Ренейницы“ цвѣтъ мѣняется соотвѣтственно тѣмъ странамъ, гдѣ онѣ находятся, и ученые доказали, что окраска ихъ соотвѣтствуетъ окружающей средѣ. И дѣйствительно, для того, чтобы получить бѣлыя, черныя или золотистыя куколки, достаточно помѣстить гусеницъ, не за долго до ихъ окукленія, на бѣлую, черную или золотистую поверхность.

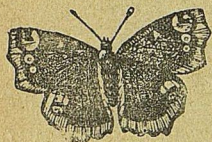
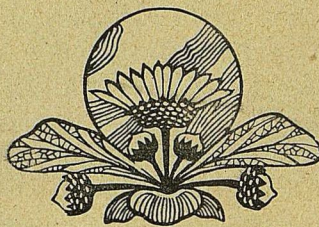

Рис. 19.

То же самое можно сказать и о личинкѣ бабочки „павлиный глазъ“, которая становится то желто-зеленой, то сине-зеленой, смотря по тѣмъ листьямъ, на которыхъ она живетъ (рис. № 19).

Реджебъ и его слонъ.

„Летучія мыши никогда не летаютъ однѣ, говоритъ индусская пословица, а несчастіе походитъ на летучихъ мышей“.

Надо думать, что нѣтъ пословицы, которая не заключала бы въ себѣ частицу правды. Типпаноо, вожатый слоновъ, и его семья убѣдились въ этомъ на горькомъ личномъ опытѣ. Они жили въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Калькуты, въ маленькомъ домикѣ, по одну сторону котораго находилась рисовая плантація, а по другую—дремучій индѣйскій лѣсъ. Типпаноо отправился однажды въ городъ, гдѣ катая иностранцевъ на сѣромъ-Гигантѣ,—онъ такъ называлъ своего слона—получилъ за услуги большую золотую монету. Радостный и веселый онъ пошелъ освѣжиться, но, къ несчастью, мучимый жаждою, онъ выпилъ слишкомъ много какого-то вывезеннаго съ Запада крѣпкаго хмѣльнаго напитка. Съ непривычки онъ опьянѣлъ. Затѣмъ, усѣвшись возлѣ дверей кабака, ему пришла вздорная мысль подразнить проходившаго мимо него англичанина.

„Вотъ, посмотрите-ка, закричалъ онъ, каковъ западный чортъ!.. Много-ли ты раздавилъ на своей головѣ томатовъ, чтобы стать такимъ рыжимъ?“

Великобританецъ остановился въ изумленіи, ничего не понимая. Затѣмъ, придя въ себя, онъ далъ индѣйцу здороваго тумака. Типпаноо ударилъ его ногой. Англичанинъ обо всемъ случившемся довелъ до свѣдѣнія британскаго комиссара, который, разобравъ дѣло, приговорилъ Типпаноо къ нѣсколькимъ недѣлямъ тюремнаго заключенія.

„Нужно наконецъ положить предѣлъ нахальству туземцевъ. Пусть эта исторія послужитъ хорошимъ примѣромъ“, сказалъ комиссаръ.

Сѣрый-Гигантъ направился къ дому одинъ и грустно, въ раздумьи, покачивалъ хоботомъ. Его умная и добрая голова усиленно работала: онъ размышлялъ о сложныхъ житейскихъ явленіяхъ, и о странности случившагося происшествія.

„Ну, что-же, воскликнулъ Реджебъ, вставши на кончики пальцевъ, чтобы казаться выше, я замѣню папу!“

Реджебу, сыну Типпаноо, было десять лѣтъ. У него былъ совершенно оранжевый цвѣтъ кожи и голубые бархатные глаза.

„Я замѣню папу!“

Онъ повторилъ эту фразу съ такою увѣренностью, храбро, под-

боченившись и снова вставъ на кончики пальцевъ, что мать его, Линепра, несмотря на все свое горе, не могла не улыбнуться. Впрочемъ Реджебъ сдержалъ слово. Сѣрый-Гигантъ питалъ къ нему ту трогательную привязанность, которая часто замѣчается у очень большихъ къ очень маленькимъ.

Каждое утро Реджебъ чистилъ его скребницей, гладилъ, ласкалъ его, затѣмъ становился передъ нимъ и говорилъ:

„Подними меня!“

Сѣрый-Гигантъ потрясая большими ушами съ минуту смотрѣлъ на него своими маленькими глазками. Подчасъ, казалось, что онъ улыбается. Затѣмъ онъ обвивалъ своимъ хоботомъ хрупкое туловище маленькаго индѣйца и со всевозможными предосторожностями онъ сажалъ его себѣ на плечи.

„Впередъ!“ говорилъ Реджебъ.

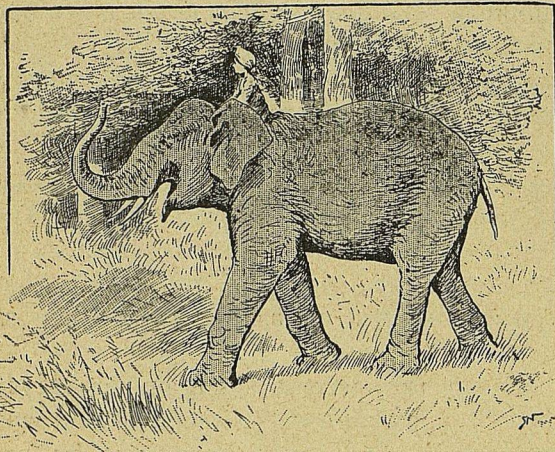

Рис. 1.

Слонъ шелъ мелкою рысью, но мелкая рысь большого слона нѣчто весьма замѣчательное, и путешественники очень скоро пріѣзжали въ Калькуту. Всѣмъ становилось забавно при видѣ этого громаднаго слона и крошечнаго жоака. Иностранцы предпочитали его всѣмъ остальнымъ и всегда на немъ катались. Благодаря этому матеріальныя дѣла ихъ шли недурно (рис. № 1).

Но, увы, несчастія все равно, что летучія мыши. Линепра захворала и очень опасно. Она схватила болотную лихорадку. Пришлось позвать доктора и купить много дорогихъ лекарствъ. Реджебъ часто плакалъ по ночамъ, спрашивая себя, когда же выпустятъ отца. Онъ грустилъ, и ему, какъ всякому ребенку, трудно было переживать одному такое горе.

Каждое утро тѣмъ не менѣе онъ отправлялся въ Калькуту.

Однажды онъ уѣхалъ въ городъ позже обыкновеннаго, такъ

какъ захотѣлось до отъѣзда накормить свою мать. Чтобы наверстать потерянное время, онъ рѣшился ѣхать лѣсомъ, кратчайшей дорогою. Сидя на огромныхъ плечахъ Сѣраго-Гиганта, онъ тихо покачивался и въ полголоса разговаривалъ съ нимъ: въ различныхъ движеніяхъ его хобота, ушей и головы, онъ усматривалъ отвѣты на свои вопросы и по своему объяснялъ ихъ себѣ; такимъ образомъ онъ велъ со слономъ длинныя дружескія бесѣды.

„Какъ ты думаешь, когда выпустятъ папу?.. Скоро? Неужели!.. Можетъ быть ты и правъ. Но что заставляетъ тебя такъ думать?.. Да, такъ потому, что его долго уже держать... Ну, конечно... Ну, а мама, скоро она поправится?.. Какъ, ты не знаешь?.. Ты все-таки долженъ былъ бы что-нибудь предполагать! Ты достаточно старъ... Да, у тебя никогда не было лихорадки, это правда... Ай, ай, кто это кричитъ!..

Слонъ остановился, какъ вкопанный. Онъ поднялъ голову и взоромъ своимъ старался проникнуть въ глубь лѣса, за деревья, гдѣ, повидимому, разстилалась освѣщенная солнцемъ лужайка. Слонъ стоялъ не шевелясь, насторожившись и сбросивъ съ себя свой невозмутимый и добродушный видъ. И вотъ снова крикъ раздался въ воздухъ, вслѣдъ за которымъ пронеслось, словно сильный порывъ вѣтра, могучее рычаніе тигра.

„Ай, ай, прошепталъ Реджебъ. Сѣрый-Гигантъ, высоко поднявъ хоботъ, не зналъ что ему дѣлать.

„Впередъ бѣги!.. приказалъ ему Реджебъ.

Слонъ бросился бѣжать. Они во время прибыли... На луку они увидали породистую лошадь, которая, дрожа всѣмъ тѣломъ, становилась на дыбы. На лошади сидѣлъ молодой англичанинъ, а передъ нимъ красовался тигръ. Дикій звѣрь съ полосатой спиной, съ мечущими искры глазами, околдованный взоромъ наѣздника, не рѣшался броситься на него.

„Ахъ, думалъ онъ про себя, если бы юноша на минуту отвелъ отъ меня глаза, я тогда набросился бы на него и покончилъ бы съ нимъ“. Но взглядъ человѣка, встрѣтившись со взглядомъ хищника, смущаетъ послѣдняго, и тигръ, прижимаясь къ землѣ, сильно размахивая хвостомъ, словно ждалъ, когда очарованіе кончится, чтобы броситься на своего врага (рис. № 2).

„Впередъ!“ закричалъ Реджебъ (рис. № 3). Сѣрый-Гигантъ, эта страшная громада, ринулся впередъ. Тигръ его увидѣлъ, быстро по-

вернулся, заревѣлъ и кинулся.. Съ быстротою стрѣлы онъ набросился на слона, желая вцѣпиться ему въ голову... Но предчувствіе слона его никогда не обманываетъ. Раньше, чѣмъ тигръ подскочилъ къ нему, Сѣрый-гигантъ отшатнулся, затѣмъ однимъ быстрымъ ударомъ головы онъ попалъ тигру въ бокъ. Тигръ свалился: клыкъ слона вонзился и пробилъ ему животъ... Не давая ему возможности снова стать на лапы, слонъ наступилъ на него, налегъ всей своей тушей и, какъ муху, раздавилъ его.

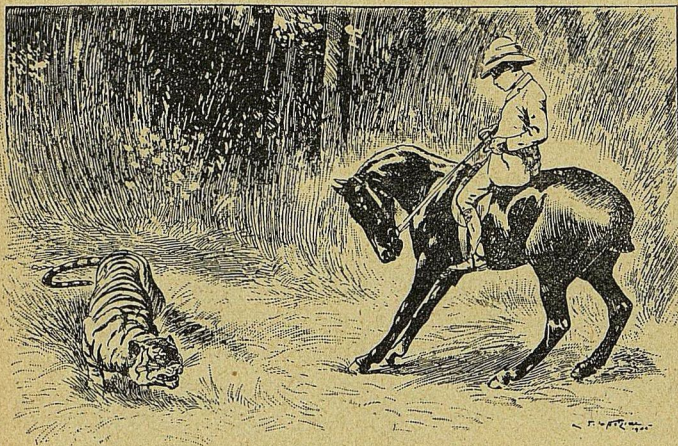

Рис. 2.

„Вы со своимъ слономъ спасли мнѣ жизнь, сказалъ Реджебу молодой европейецъ. Нѣтъ, ужъ больше ни за что не рискну ѣздить по вашимъ лѣсамъ, какъ бывало въ Англіи по паркамъ. Чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить?„

„Вы мой братъ, спокойно сказалъ Реджебъ, и вы тоже братъ моего слона.“

Англичанинъ засмѣялся.

„Я сынъ губернатора Калькуты и постараюсь не остаться передъ вами въ долгу.“

И онъ дѣйствительно въ долгу не остался. Въ тотъ же самый вечеръ Типпаноо былъ выпущенъ на свободу и поклялся, обнимая своего сына, что отнынѣ никогда пить больше не будетъ. Линепра, которую сталъ лѣчить губернаторскій докторъ, поправилась раньше, чѣмъ черезъ недѣлю. Что касается самого Реджеба, онъ получилъ званіе главнаго жока всѣхъ слоновъ вице-короля; слоны всѣ вскорѣ очень полюбили своего молодого хозяина. Но самая большая радость Реджеба была—видѣть своего друга, Сѣраго-Гиганта, возведеннаго вдругъ въ самый высшій чинъ слоновой іерархіи.

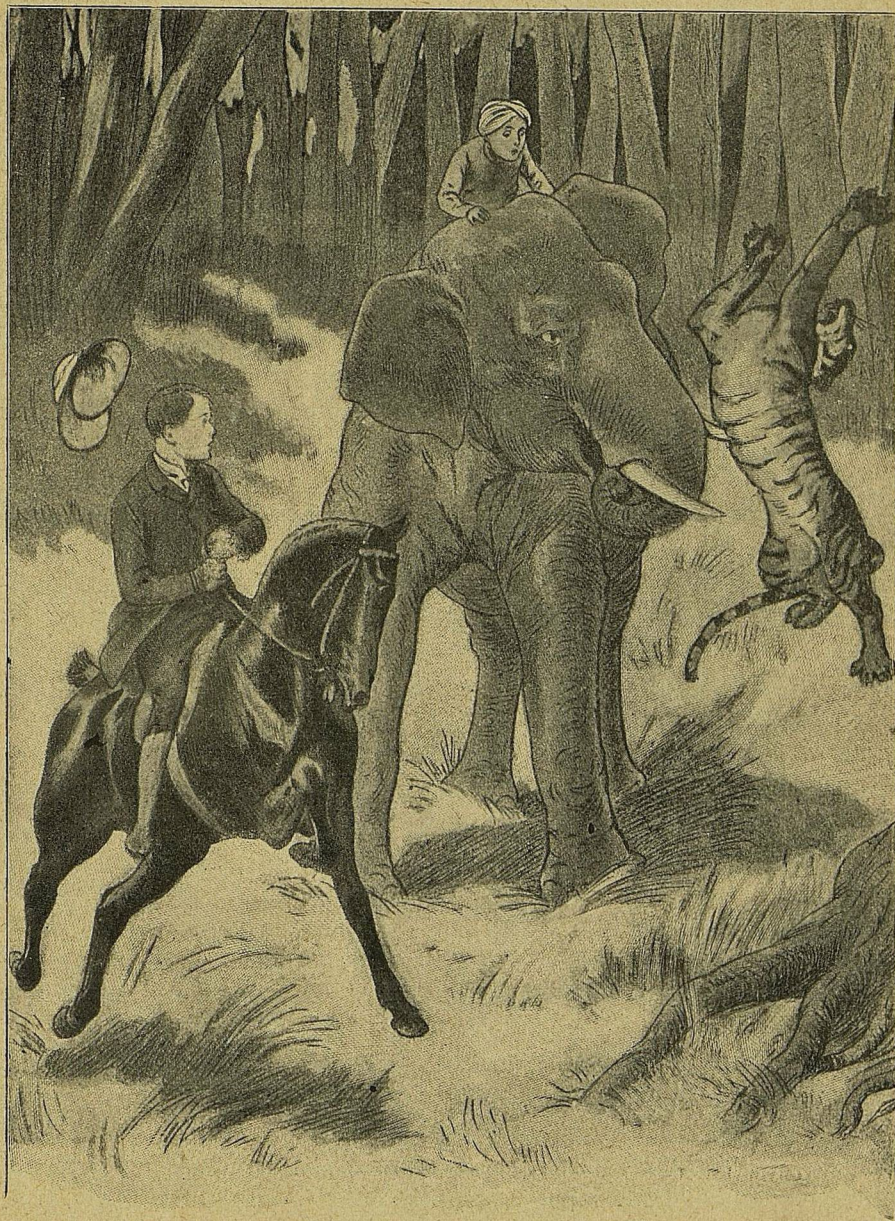

Рис. 3.

Воздушные крейсера.

III. Первое путешествіе Профессора Шарля.

(Окончаніе).

Несмотря на преимущества примѣненнаго профессоромъ Шарлемъ газа, братья Монгольфье продолжали пользоваться согрѣтымъ воздухомъ. „Это обходится много дешевле, и шаръ наполняется въ какихъ нибудь десять минутъ, въ то время какъ газомъ его накачивать приходится три дня, объясняли они.

Въ отвѣтъ на настойчивыя требованія, ихъ воздушные шары то и дѣло подымались на воздухъ, сопровождаемые восторженными рукоплесканіями многочисленныхъ зрителей.

Утромъ 19-го сентября 1783 года, вся дорога между Парижемъ и Версалемъ была запружена народомъ. Вереница экипажей казалась безконечной, а толпа любопытныхъ все прибывала, пока не стало возможности двинуться ни лошади, ни человѣку. Всѣ окна по пути были переполнены лицами, на всѣхъ крышахъ толпились любопытные. И все это волненіе происходило оттого, что, по приглашенію короля, Этьенъ Монгольфье собирался пустить шаръ изъ версальскихъ садовъ.

На этотъ разъ, однако, должны были быть и пассажиры. Но такъ какъ никто еще не подымался на шарѣ, то было неизвѣстно, можетъ ли человѣкъ дышать на такой высотѣ. Поэтому піонерами выбраны были: пѣтухъ, овца и гусь. Они и были первыми воздухоплавателями. Послѣ путешествія на значительной высотѣ, продолжавшагося восемь минутъ, они вернулись на землю вполнѣ здоровыми. Но удивительнѣе всего было то, что послѣ столь важнаго научнаго путешествія они кричали, пѣли и блеяли съ особой гордостью.

Послѣ этого Монгольфье сталъ посвящать еще больше времени своему открытію и результатомъ этого было то, что 21-го ноября того же года два господина: извѣстный ученый Пилатръ де Розье и маркизь Д, Арландъ впервые поднялись на воздухъ на торжественно разукрашенномъ шарѣ.

Но такъ какъ водородъ, какъ средство для подъема далеко превосходитъ согрѣтый воздухъ, мы должны удѣлить больше внима-

нія путешествію совершенному спусти одиннадцать дней профессоръ Шарлемъ и его ловкимъ помощникомъ—Г-номъ Робертъ.

Пока шли приготовленія, все обстояло благополучно. Шаръ былъ сработанъ и приготовленъ для спуска въ Тюльери. Къ нему была привязана прелестная лодочка, расписанная золотыми узорами по голубому фону. Но когда шаръ былъ почти наполненъ газомъ, начались крупныя препятствія.

29 ноября пронесся по Парижу слухъ (впрочемъ скоро оправдавшійся), что король воспротивился этому полету. Въ полночь Г-на Шарля разбудили и вытребовали къ одному высокопоставленному лицу, которое передало ему приказъ короля, отказаться отъ затѣянаго предпріятія.

Легко можно себѣ представить, что послѣ этого Шарль провелъ безпокойную ночь. Но волненіе его еще усилилось, когда до него дошло, что враги его шепчуть будто онъ просилъ о запрещеніи, струсивъ въ послѣднюю минуту передъ опасностями такого плаванія. Грустно сознавать, что такіе недоброжелательные толки распространяются съ такою же быстротой, какъ восторгъ и похвала. Все это страшно мучилъ и угнетало профессора Шарля. Онъ, однако, нашелъ утѣшеніе въ дождѣ, который лилъ, какъ по заказу: никто не могъ ожидать подъема шара въ такую погоду, а пока тучи очищаютъ небо, онъ надѣялся уладить всѣ затрудненія.

Король, однако, оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ; вѣроятъ онъ считалъ профессора Шарля слишкомъ цѣннымъ для Франціи, чтобы позволить ему рисковать жизнью. Но съ этимъ его мнѣніемъ, очевидно не соглашались слишкомъ четыреста тысячъ человѣкъ, собравшихся на слѣдующее утро около Тюльерійскаго дворца съ явными признаками нетерпѣнія. Утро было чудесное, безоблачное.

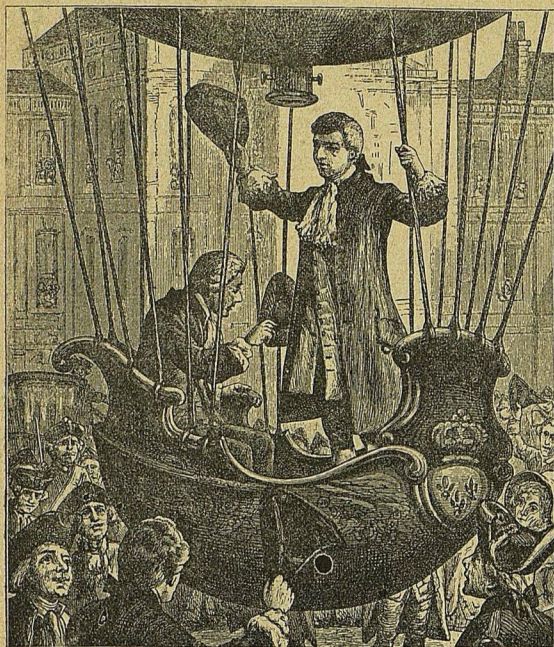
Кому же повиноваться: народу-ли, королю? До послѣдней минуты профессоръ Шарль не хотѣлъ рѣшать. Приготовленія продолжались. Большой шаръ перенесли на открытое мѣсто и рядомъ съ нимъ помѣстили маленькій, въ 5½ футовъ въ діаметрѣ. Этотъ маленький шаръ предполагалось пустить первымъ, чтобы узнать достаточно ли спокойно въ верхнихъ слояхъ воздуха. Веревку, сдерживающую его, профессоръ Шарль передалъ Этьену Монгольфье со словами „Вамъ принадлежитъ честь пустить этотъ шаръ, такъ-какъ Вы первый показали намъ дорогу къ облакамъ.“

По данному сигналу г-нъ Монгольфье отрѣзаль веревку и на нѣкоторое время вниманіе зрителей было приковано къ маленькому піонеру быстро улетающему въ непредѣльную синеву.

Наконецъ, въ четверть второго, г-нъ Шарль рѣшилъ сдержать общаніе, данное народу и тѣмъ ослушаться приказанія короля. Сопровождаемый Г-номъ Робертъ онъ вступилъ въ голубую лодочку.

При оглушительныхъ крикахъ восторга, которые, навѣрное, были слышны въ Версали, они медленно поднимались на воздухъ.

Его собственное описаніе этого путешествія сохранилось и представляетъ большой интересъ. Они поднялись на высоту тысячи восьмисотъ футовъ и, казалось, повисли въ небесахъ. Видъ во всѣ сто роны былъ восхитительный, но когда они взглянули прямо внизъ на Тюльери и жужжащую толпу, профессору Шарлю показалось, что онъ вырвался изъ гнѣзда ось, готовыхъ безпощадно преслѣдовать и жалить его, если онъ не сѹмѣетъ имъ угодить.

Однако, съ этой точки зрѣнія, его заботы улеглись и онъ всецѣло предался наслажденію своего путешествія.

Вскорѣ до нихъ донесся пушечный выстрѣлъ, который означалъ, что зрители ихъ больше не видятъ. Далеко, далеко внизу, какъ серебро, вилась рѣчка Сена и шаръ два раза перелетѣлъ черезъ нее. Деревня за деревней проносилась подъ ними. Черезъ два счастливыхъ часа они спустились посреди луга въ двадцати семи верстахъ отъ Парижа.

Здѣсь къ нимъ присоединилось трое англичанъ, которые ѣхали

за ними верхами изъ Парижа. Эти англичане и мѣстный священникъ подписали бумагу о его благополучномъ спускѣ, въ то время, какъ пораженные поселяне сбѣгались со всѣхъ сторонъ.

Солнце уже сѣло, но такъ какъ газа было еще много, то профессоръ Шарль рѣшилъ подняться опять, но на этотъ разъ одинъ. Онъ ударилъ въ ладоши, чтобы поселяне сразу отпустили веревки и черезъ десять минутъ онъ уже парилъ на высотѣ девяти тысячъ футовъ.

Въ эти десять минутъ онъ перешелъ отъ весенней температуры къ зимней: хотя и было это 1-го декабря, но на землѣ стояла чрезвычайно теплая погода. Вокругъ него была полная тишина, когда же онъ попробовалъ ударить въ ладоши, то самъ испугался силъ звука.

Какъ мы уже сказали, солнце еще раньше сѣло, чѣмъ онъ покинулъ землю; теперь же Шарль опять увидѣлъ его прямо надъ далекимъ горизонтомъ. Подъ нимъ все уже было погружено въ густой мракъ и солнце освѣщало только его и его шаръ. Наслаждаясь этими новыми наблюденіями, онъ осматривался во всѣ стороны: нигдѣ ни одного живого существа; ни одинъ звукъ не могъ донестись до него. Погруженный въ эти созерцанія, онъ казалось, забылъ все въ мірѣ, какъ вдругъ замѣтилъ, что солнце опять стало быстро опускаться. Такимъ образомъ профессоръ Шарль въ первый разъ въ жизни, наблюдалъ два заката солнца въ одинъ день.

Проводивъ глазами послѣдніе лучи заходящаго свѣтила, профессоръ Шарль потянулъ веревку клапана, черезъ который выпускался газъ, и черезъ нѣсколько минутъ спустился на поле въ двухъ верстахъ отъ мѣста отправленія, прямо около жилища одного изъ ожидавшихъ англичанъ.

На слѣдующее утро профессоръ Шарль и Робертъ съ большимъ триумфомъ вѣхали въ Парижъ, куда черезъ нѣсколько часовъ въ другія ворота съ пѣніемъ и музыкой не менѣе торжественно былъ доставленъ его шаръ, въ сопровожденіи толпы народа.

Добрый, старый король (Людовикъ XVI) повидимому простилъ непослушнаго ученаго: онъ немедленно назначилъ ему крупную пенсію и отвелъ ему чудную квартиру въ Тюльерійскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и продолжалъ свои научные труды до самой своей смерти въ 1823 году.

Праздникъ Хризантемъ.

По Пьеру Лоти.

Переводъ О. Петровой.

Въ ноябрѣ 1891 года мнѣ пришлось пробыть нѣсколько недѣль въ Японіи и попасть на „праздникъ Хризантемъ“, ежегодно устраиваемый въ императорскихъ садахъ. Все, что мнѣ удалось тамъ увидѣть, было такъ оригинально, полно такой своеобразной прелести, что мнѣ хочется подробно описать это торжество, на которомъ присутствовала сама императрица.

Признаюсь, нелегко мнѣ было добиться приглашенія отъ императрицы-невидимки, однако старанія мои въ концѣ увѣнчались успѣхомъ. У меня въ рукахъ большой конвертъ, на одной сторонѣ котораго написанъ по японски мой адресъ, а на другой нарисованъ императорскій гербъ—чашечка цвѣтка хризантемы.

Открываю конвертъ и вынимаю оттуда карточку изъ бѣлой слоновой бумаги, тоже украшенную золотой хризантемой съ золотыми листьями въ вѣнкѣ изъ простыхъ хризантемъ. Посреди карточки вертикальными столбцами написано что-то непонятное.

Читать надо сверху внизъ. Надпись означаетъ: „По повелѣнію Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, имѣю честь пригласить Васъ въ садъ дворца Акасабы, взглянуть на цвѣты хризантемъ“.

Другая карточка, поменьше, заключаетъ въ себѣ слѣдующія практическія указанія: „Экипажи должны вѣзжать черезъ Царскія Ворота. Если девятого будетъ дождь, праздникъ переносится на десятое; если дождь будетъ и десятого, праздникъ совсѣмъ не состоится.“

„Праздникъ Хризантемъ“—традиціонный праздникъ въ Іеддо. Исключая весенній праздникъ „вишневыхъ деревьевъ“, это единственный день въ году, когда можно увидѣть императрицу, да и то честь эта выпадаетъ на долю только небольшого числа счастливицевъ. Раньше императрица жила совсѣмъ невидимкой, какъ настоящее божество; когда она выѣзжала изъ своего огромнаго дворца въ одинъ изъ отдаленныхъ загородныхъ парковъ, ея золотыя лакированныя носилки закутывались длиннымъ фіолетовымъ покрываломъ, а впереди бѣжали

слуги, которые должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ двери и окна по пути были закрыты.

Рано утромъ просыпаюсь я девятаго ноября. Увы! Утро не предвѣщаетъ ничего хорошаго: начинается сѣрый, туманный денекъ; осеннее небо мрачно хмурится. Тѣмъ не менѣе я одѣваюсь и спѣшу на вокзалъ, чтобы поспѣть на отходящій въ Іеддо поѣздъ. Часовъ въ 12 я уже тамъ. Какимъ невзрачнымъ, унылымъ кажется Іеддо подъ этимъ свинцовымъ безпросвѣтнымъ небомъ! Мы ѣдемъ по тѣснымъ, сквернымъ, чернымъ улицамъ, мрачнымъ закоулкамъ и пустырямъ, черезъ лужи, канавы, въ которыхъ мелькаютъ полуувядшіе цвѣты лотоса, вдоль низкихъ стѣнъ, опоясывающихъ городъ.

„Если девятаго будетъ дождь, праздникъ откладывается до десятаго“; а дождь льетъ какъ изъ ведра. Несомнѣнно, что праздникъ не состоится. Къ тому же я и вымокъ до нитки; представляется въ такомъ видѣ императрицѣ совсѣмъ невозможно. Но что дѣлать? Нельзя же бродить по чайнымъ домамъ въ парадномъ костюмѣ!.. Мой возница опускаетъ надо мной верхъ экипажа, закутывается въ плетеный плащъ съ вывернутыми наружу концами соломы, отъ чего сразу становится похожимъ на щетинистое животное,—и мы возвращаемся назадъ подъ настоящимъ ливнемъ.

Надо, до отхода вечерняго поѣзда, попросить гостепріимства у кого-нибудь изъ знакомыхъ. И я перехожу отъ одного къ другому, болтаю и жду вечера, стараясь высушить около бронзовыхъ жаровень свой вымокшій нарядный костюмъ. Японскіе домики въ дождливую погоду имѣютъ весьма унылый видъ. Они отдѣляются отъ улицы маленькими садиками безъ цвѣтовъ, съ маленькими лужайками, миниатюрными холмиками, скалами, озерцами, островками и мостиками. Крошечные домики эти раздѣляются бумажными ставнями, замѣняющими внутреннія стѣны, на цѣлый рядъ микроскопическихъ комнатокъ. Чѣмъ дальше углубляешься въ домъ, чѣмъ больше удаляешься отъ веранды, черезъ которую проникаетъ свѣтъ, тѣмъ темнѣе становится въ комнатахъ. И что за печальный свѣтъ! Бумажныя стѣны, замѣняющія окна, пропускаютъ блѣдный, тусклый полусвѣтъ, какой-то холодный сумракъ. Тѣмъ не менѣе я радъ, что нахожусь подъ крышей, радъ, что сквозь бумажныя стѣны не могу видѣть того, что дѣлается на улицѣ, не вижу этихъ безконечныхъ потоковъ, затопляющихъ игрушечные садики съ ихъ лиллипутовыми деревьями, рвами и мостиками.

Бѣлоснѣжныя циновки, разостланныя по безукоризненно чистому полу, тонкія стѣны изъ бѣлой бумаги, и какая-то ледяная пустота,—такова обстановка японскаго домика. Войдя въ комнату, хочется плотнѣе закутаться, придвинуться какъ можно ближе къ большой бронзовой жаровнѣ, наполненной вѣчно тлѣющими угольями.

Наконецъ кончился этотъ томительно долго тянувшійся день. Дай-то Богъ, чтобы завтра не было дождя!

Рано утромъ на другой день выхожу я изъ дома. Небо затянуто сѣровой дымкой, однако снѣговая вершина вулкана Фузи-яма отчетливо вырисовывалась вдаль. А японская пословица гласитъ, что если съ утра виденъ Фузи-яма, погода простоятъ до вечера.

Къ одиннадцати часамъ дымка мѣстами прорвалась; тамъ и сямъ блеститъ ясное голубое небо, и меня снова начинается лелѣять надежда, что сегодня увижу императрицу. На іокогамскомъ вокзалѣ въ полдень я вижу нѣсколькихъ дипломатовъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, нѣсколько дамъ въ нарядныхъ туалетахъ: это—приглашенные на праздникъ, которые, обнадеженные хорошей погодой, отправляются по желѣзной дорогѣ въ Іеддо.

У одной изъ дамъ роскошная муфта изъ перьевъ рѣдкой птицы, украшенная букетомъ изъ коричневыхъ, желтыхъ и фіолетовыхъ хризантемъ, подъ цвѣтъ бархатнаго платья. Погода совсѣмъ проявилась. Веселое осеннее солнце заблестало на безоблачномъ небѣ. Мы ѣдемъ въ Іеддо.

Какъ все измѣнилось со вчерашняго дня! Іеддо принялъ праздничный видъ, и массы народа, которому не придется присутствовать на торжествѣ, запрудили его улицы. Тутъ настоящій рынокъ. На землѣ разложены безконечныя ряды конфетъ, вѣтренныя мельницы, вѣера и зонтики, всевозможныя, самыя фантастическія игрушки, маски чудовищъ и маски священныхъ лисицъ. А какая масса хризантемъ! Подъ оглушительные звуки гонговъ, трещетокъ и флейтъ кривляются на подмосткахъ размалеванные фигляры. Всюду разноцвѣтныя знамена; причудливыя, ярко раскрашенныя афиши на бамбуковыхъ шестахъ; вырѣзанныя, пестрыя бумажныя фигуры, красныя драконы, синія химеры. И всюду хризантемы: хризантемы въ видѣ громаднхъ пирамидальныхъ розовыхъ букетовъ въ изяшныхъ бронзовыхъ вазахъ; хризантемы въ маленькихъ дѣтскихъ ручкахъ и въ волосахъ смѣющихся мусмѣ *).

*) Японскія дѣвушки.

Но какъ же далеко этотъ дворецъ Акасабы, куда мы спѣшимъ! Мой возница совсѣмъ выбился изъ силъ, а конца пути еще не предвидится. Одна улица слѣдуетъ за другою; одна шумная толпа смѣняетъ другую; людныя площади, уединенныя улицы, совсѣмъ глухіе закоулки, синіе пруды, тѣнистыя аллеи,—и опять улицы, народъ, хризантемы, фиגляры, оглушительная музыка...

Наконецъ мы взбираемся на небольшую гору и останавливаемся передъ низкой стѣрой, наклоненной внутрь стѣной. Кажется мы приѣхали.

Изъ-за стѣны видны только верхушки высокихъ деревьевъ. Дворецъ же долженъ быть очень низокъ, совсѣмъ приплюснуть къ землѣ, такъ какъ отсюда не видно даже его крыши.

Вотъ черныя ворота съ затѣйливымъ навѣсомъ, углы которыхъ изображаютъ чудовища. Они ведутъ на большой вымощенный дворъ, скорѣе площадь, гдѣ внезапно, послѣ шумнаго оживленія города, насъ охватываетъ полная тишина и какое-то удивительное, грустнѣе навѣвающее безмолвіе. Тутъ насъ встрѣчаютъ японцы въ ливреяхъ, очевидно привратники; они безшумно, но озабоченно бѣгаютъ, суетятся. Нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, нѣсколько шегольскихъ экипажей, привезшихъ князей или министровъ. Чувствуется, что среди этой тишины царитъ оживленіе, но никакъ нельзя подумать, что предстоитъ веселое торжество—праздникъ цвѣтовъ. Скорѣе придетъ въ голову, что всѣ эти люди собрались для исполненія какой-нибудь печальной церемоніи.

Никакой роскоши у входа въ эту царскую резиденцію. Дворецъ, если можно назвать дворцомъ такое невзрачное зданіе, находится въ глубинѣ двора. Онъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго японскаго домика; онъ только нѣсколько просторнѣе, нѣсколько болѣе вытянулся въ длину.

У входа лакеи, одѣтые по европейски, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, снимаютъ съ гостей плащи и пальто и раздаютъ японскіе номера на маленькихъ картонныхъ билетикахъ. Затѣмъ, мы подходимъ къ большому столу, крытому зеленымъ сукномъ, за которымъ сидятъ дворцовые чиновники, рассматривающіе пригласительныя билеты и визитныя карточки гостей. Подозрительно смотрятъ они на эти карточки, свѣряя ихъ съ какимъ-то листомъ, исписаннымъ китайской тушью, очевидно спискомъ избранниковъ. Онъ, впрочемъ, не очень длиненъ этотъ списокъ. Однако насъ не

особенно гостепріимно встрѣчаютъ въ этомъ императорскомъ дворцѣ! Дальше мы, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, гуськомъ подвигаемся по узкимъ и низкимъ корридорамъ. Дворцовые служащіе жестами указываютъ намъ дорогу.

Дворецъ японскаго императора! Воображеніе при этомъ словѣ рисуетъ намъ что-то фантастическое и сказочно-роскошное. Я, видавшій уже много княжескихъ жилищъ въ этой странѣ, далекъ отъ какихъ бы то ни было иллюзій въ этомъ отношеніи. Однако, то, что я увидѣлъ, превзошло всѣ мои ожиданія. Жилище японскаго императора поразило меня своей абсолютной пустотой. Всюду гладкое бѣлое дерево, стѣны изъ бѣлой бумаги,—и ничего, буквально таки ничего, внутри этихъ стѣнъ—все пусто и голо.

Но какъ чисто! Одна эта чистота, доведенная до идеальнаго, сама по себѣ уже составляетъ большую роскошь. Трудно объяснить, какимъ образомъ поддерживается эта поразительная чистота. Безукоризненно бѣлое, артистически отполированное дерево, совершенно гладкое, безъ малѣйшаго украшенія, кажется совсѣмъ новымъ, дѣвственно свѣжимъ; на немъ не видно слѣдовъ времени и кажется, что къ нему не прикасалась ни одна рука человѣческая. Всѣ эти потолки, стѣны, на которыхъ вы напрасно стали бы искать пятенъ или царапинъ, сдѣланы изъ цѣльнаго громаднаго листа бѣлой бумаги, натянутой безъ малѣйшей складочки, приклеенной безъ единого пятнышка. Все это—дѣло рукъ какого-то необыкновенно искуснаго артиста-обойщика. По этимъ тонкимъ некрашеннымъ циновкамъ не ступала очевидно ни одна нога человѣческая. Сколько разъ въ году надо возобновлять всѣ эти вещи, выбирая ихъ между тысячью другихъ, чтобы достигнуть этого впечатлѣнія дѣвственной бѣлизны?..

Мы проходимъ безчисленный рядъ пустыхъ бѣлыхъ комнатъ, ничѣмъ не отличающихся одна отъ другой, и это однообразіе начинаетъ утомлять, надоѣдать — не на чемъ остановить глазъ. Какъ вдругъ сквозь отверстіе одной изъ раздвинутыхъ рамъ, взорамъ нашимъ представляется нѣчто почти фантастическое: какое-то крошечное существо, вѣроятно фея, ослѣпительная какъ колибри, въ невообразимо странномъ костюмѣ. Это, должно быть, какая-нибудь принцесса или придворная дама—маленькая, сморщенная, вся размалеванная, безобразная до невѣроятія. Вокругъ плоскаго лица съ безжизненнымъ, почти угасшимъ взглядомъ старческихъ глазъ, вѣеромъ расположены черные волосы. На ней надѣты широкіе шаровары изъ

тяжелой шелковой матеріи великолѣпнаго пурпуроваго цвѣта, длинный свѣтло-зеленый киримонъ съ узорами, напоминающими своими оттѣнками цвѣтъ перьевъ колибри.

Какъ ни фантастично это видѣніе, но тутъ оно не поражаетъ: въ этой изысканно простой обстановкѣ надо быть готовымъ ко всему самому неожиданному.

Она присоединяется къ намъ, эта маленькая фея-старушка. Вскорѣ, откуда-то появляется вторая, третья. Съ граціозными поклонами, съ таинственными, полуироническими улыбками встрѣчаютъ онѣ насъ, молча слѣдуютъ за нами. Эти двѣ послѣднія молоды и даже довольно миловидны (что довольно рѣдко въ Японіи). Великолѣпные роскошные костюмы ихъ отличаются различными оттѣнками и разной степенью металлическаго блеска.

Насъ всѣхъ, включая нѣсколько вновь прибывшихъ, теперь около тридцати человѣкъ. Безъ особыхъ приключеній доходимъ мы до большой бѣлой комнаты, выходящей въ садъ. Здѣсь тоже совершенно пусто, никакой мебели. Только по угламъ комнаты разставлены восхитительной работы вазы съ улыбающимися чудовищами на крышахъ, а на дѣвственно бѣлой поверхности стѣнъ набросаны золотомъ, какъ бы случайно, три или четыре летящихъ феникса.

Теперь два часа съ чѣмъ-то, а императрица, какъ намъ объявили, появится только въ три. Дежурные офицеры, находящіеся тутъ, и маленькія феи въ золотистыхъ платьяхъ приглашаютъ насъ обождать въ паркѣ, на какомъ-то холмѣ, гдѣ и должно состояться торжество.

Бумажныя стѣны раздвигаются и передъ нами, словно въ волшебной рамкѣ, появляется сказочной красоты зрѣлище.

Вы, вѣроятно, видѣли на фарфоровыхъ чашкахъ, на ширмочкахъ эти до невѣроятія красивые ландшафты, испещренные озерами и островками, размѣры которыхъ кажутся неестественными, съ деревьями, листва которыхъ имѣетъ не зеленый, а какой-нибудь яркій оттѣнокъ, придающій имъ видъ букетовъ цвѣтовъ.

Мы стоимъ на высокомъ порогѣ гостиной, а внизу у нашихъ ногъ, сквозь вѣтки ближнихъ кедровъ, мелькаютъ бархатныя лужайки, оригинальной формы холмики, ручьи съ переброшенными черезъ нихъ легкими изогнутыми мостиками, спящія озера, обрамленные изумрудной зеленью, безконечныя аллеи, теряющіяся гдѣ-то вдали. Тамъ и сямъ по зеленымъ скатамъ холмовъ, разбросаны

группы „серебрянныхъ бамбуковъ“ съ почти бѣлой листвою, „красныхъ кленовъ“ похожихъ на коралловыя деревья, и какой-то кустарникъ съ листвою, напоминающій фіолетовый оттѣнокъ скабіозы. А дальше, замыкая эту восхитительную, но почти неправдоподобную картину таинственной рамой высокихъ темныхъ холмовъ, открывается далекій горизонтъ съ синѣющими рощами, зелеными горами и лугами. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ уединенный уголокъ, словно оазисъ, затерянный среди шумнаго города. Это — настоящій царскій капризъ!

Небольшими группами спускаемся мы въ эти сады по тропинкамъ, устланнымъ бѣлыми циновками, для того, конечно, чтобы маленькая ножка императрицы, которая должна сейчасъ тутъ пройти, не коснулась земли.

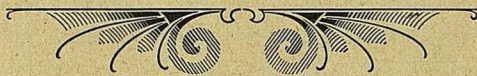
Двѣ-три новыя феи, одѣтыя въ другіе неопредѣленные цвѣта, спускаясь сзади насъ, замыкаютъ шествіе. Насъ теперь около сорока человѣкъ, и мы просто тонемъ въ этихъ широкихъ аллеяхъ пустыннаго сада.

На всѣхъ перекресткахъ этого лабиринта, гдѣ легко заблудиться, лакей, въ красномъ жилетѣ, указываетъ намъ дорогу, объясняетъ, по какимъ аллеямъ запрещено ходить. Нѣкоторыя части парка, которыя вѣроятно, должны быть скрыты отъ глазъ простыхъ смертныхъ, завѣшаны большими черными креповыми покрывалами съ бѣлыми каймами.

Ноябрьское солнце свѣтитъ кроткимъ яснымъ блескомъ. Становится почти жарко.

Подходимъ къ круглой площадкѣ, усыпанной пескомъ, вокругъ которой возвышаются легкія бамбуковыя строенія, задрапированныя и завѣшанныя шелковымъ крепомъ съ бѣлыми хризантемами, разбросанными по нѣжно-фіолетовому полю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

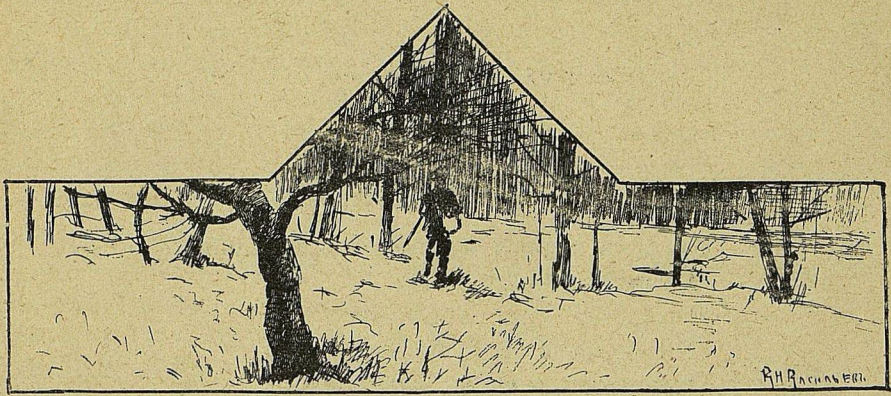
Сочиненія нашихъ читателей.

Вигвамъ.

Разъ въ садикъ маленькій пришедши
И увидѣвъ чашу тамъ,
Я рѣшилъ туда забраться
И построить свой вигвамъ.
Притащивъ топоръ, веревку,
Въ землю вбилъ я три кола,
Сколотивъ концы гвоздями,
Домикъ началъ дѣлать я;
Вѣтокъ, палокъ, сучьевъ массу
Топоромъ я нарубилъ,
И, связавъ веревкой палки,
Ими я вигвамъ покрылъ.
Толстыхъ вѣтокъ очень много
Я къ вигваму натаскалъ,
Но зато къ закату солнца
У меня вигвамъ стоялъ.
Въ томъ вигманѣ это лѣто
Я въ индѣйцы все игралъ;
Лукъ вырѣзывалъ и стрѣлы,
Дротикъ въ дерево бросалъ
Иногда я въ день холодный
Огонекъ тамъ разводилъ:
Приносилъ туда я книжку
И часы тамъ проводилъ.
Но когда настала осень,
Ѣхать въ городъ надо намъ
Пусть и запертъ домъ нашъ старый
Опустѣлъ и мой вигвамъ.

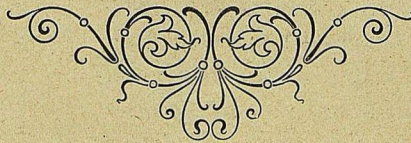
Загадки:

На что похожа половина апельсина?

Что быстрее всего на свѣтѣ?

Чего Богъ никогда не видитъ, царь рѣдко, а мужикъ постоянно?

Когда собаки входятъ въ церковь?

Редакторъ-издатель *Н. М. Фиделли.*

МОСКВА.

Типо-Литографія **Ю. Венеръ** преемн. О. Фалькъ.

Петровка, Рахмановскій пер., д. Грачева

1907.

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Мясницкая, 35. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

